

ЖУРНАЛ ШЕФУРЪ

№ 5

СОДЕРЖАНИЕ:

НЕГАТИВЫ. — МРАЧНЫЙ ГОСТЬ. — О КОРСЕТАХЪ: — ЮГОВОСТОЧНЫЕ ЧЕЛОВѢКИ: — РЪЧЬ О РЪЧИ. — КРЕЗЫ. — В. Я. ГОЛЬЦЕВЪ. — ТЕАТРЪ. — ГДѢ СБОРЫ? КОНТРА-МАРКА.—ОПЕРА. В. СЕНИЛОВЪ. — ТЮРЬМОВЪДѢНІЕ. — ТЮРЬМНАЯ РАЗВЛЕЧЕНІЯ. ВЕСЕЛЫЙ АРЕСТАНТЪ. — ФЕЛЬЕТОНЫ: — ТАНЬКА-БЕКАНЬКА. Н. ШЕБУЕВЪ.—КАКЪ МЫ СЪ БАРОНОМЪ БЫЛИ НА ВЫСТАВКѢ КОЖИ, ПЕРА И ПУХА. МЫ. СТИХОТВОРЕНІЯ.—СКАЗКА. ИЛЬЯ ГУРВИЧЪ. — ШУТКА. ГРАФЪ БЕНГАЛЬСКИЙ. — РИСУНКИ. — КАДЕТСКИЙ ОРКЕСТРЪ. Н. В. РМИЗОВЪ. — ПОНЕДѢЛЬНИКЪ ВЪ САХАРЬ. А. М. ЛЮБИМОВЪ.

СЛѢДУЮЩІЙ НОМЕРЪ ВЫЙДЕТЬ ВЪ ВОСКРЕСЕНЬЕ.

МРАЧНЫЙ ГОСТЬ.

Онъ вошелъ ко мнѣ безъ стука, безъ предупрежденія.

Дверь неслышно распахнулась передъ нимъ.

И опять зихлопнулась.

Онъ всталъ передо мной, скрестивъ руки и устремивъ мнѣ въ глаза свой бездонный взоръ,—бездонный потому, что не было глазъ въ этихъ орбитахъ...

И изъ глазныхъ впадинъ на меня пахнуло сыростью подваловъ.

Холодомъ смерти.

И носа не было, а вмѣсто него на голдомъ черепѣ зіяла отвратительная глина.

Онъ былъ бы отвратительнымъ, если бы не корона на головѣ и не порфира на скелетообразныхъ плечахъ...

Мнѣ вспомнился портретъ Тончи съ выставки въ Таврическомъ дворцѣ.

Такъ много контрастирующаго было въ этой жалкой скелетной фигурѣ и пышномъ блестящемъ королевскомъ одѣяніи...

Корона сидѣла набекрень на его безносомъ черепѣ...

— Кто ты, мрачный гость?—въ страхѣ прошептала я...

А онъ поднималъ свою костлявую руку съ золотымъ скипетромъ и въ отвѣтъ прогнусавилъ съ лавосомъ, театально:

— Въ мірѣ есть царь. Этотъ царь безпощаденъ! Голодь—назвавше ему...

И изъ его усть опять пахнуло на меня сыростью подваловъ, затхлостью чулановъ, вонью мертвецкой...

— Я Голодь! Ты никогда не видѣлъ меня?

— Никогда...

— А тебѣ никогда не хотѣлось видѣть меня?

— Никогда...

— Но ты такъ много писалъ обо мнѣ...

Ты призывалъ къ борьбѣ со мной... Неужели тебѣ не хотѣлось взглянуть мнѣ въ глаза...

— Я боялся встрѣчи съ тобой!.. Я гналъ тебя и другихъ призывалъ тебя гнать...

— И все-таки я пришелъ къ тебѣ. Не затѣмъ, чтобы тебя пытать, не затѣмъ, чтобы тебя мучить, а затѣмъ, чтобы поглумиться надъ тобой!.. Былъ ты въ моихъ владѣніяхъ?.. Былъ ли за Нарвской заставой, гдѣ я покорилъ безработныхъ? Былъ ли въ мѣстахъ столь и не столь отдаленныхъ, гдѣ я покорилъ смыслныхъ? Былъ ли въ тѣхъ губерніяхъ, въ которыхъ мнѣ хозяйничать помогаетъ Лидваль?..

— Нѣтъ... Но я знаю, что тамъ...

— Ты знаешь, что тамъ... Такъ, значитъ, ты знаешь, что тамъ, гдѣ я побѣдилъ... Все побѣдилъ, всѣ интересы обратилъ въ пепель... Всѣ интересы войны и интересы мира... Тамъ боялся только меня, говорили только обо мнѣ... Кусокъ хлѣба, кусокъ чернаго черстватаго хлѣба—одна мечта... Она объединила дѣтей, стариковъ, женщинъ, мужчинъ... Тамъ не говорили ни о политикѣ, ни о будущемъ... Только о настоящемъ... И это настоящее—я... Ха-ха-ха!.. Ты писалъ, ты призывалъ на борьбу со мной... И кто же

пришелъ на твой зовъ!.. И кто же ударилъ палецъ о палецъ... А самъ-то ты ударилъ ли пальцемъ о палецъ, сидя въ углу уюта твоего кабинета...

— Я... я писалъ... Это все, что я могу...

— Ха-ха-ха... Всѣ вы такъ говорите!.. Я писалъ, я говорилъ, я призывалъ, я совѣтовалъ... Лицебры, лжцы!.. Тѣмъ-то я и силенъ, что вы всѣ другъ на друга киваете...

— Но что же могъ я сдѣлать...

— Я тѣмъ и безсиленъ, что со мной бороться можетъ всякій... Всякій можетъ со мной сдѣлать все, что хочетъ, потому что я побиваемъ не дорогими пудметными орудіями, а кускомъ черстватаго чер-

наго хлѣба, пущеннымъ умѣлой рукой въ меня... Ха-ха-ха... А ты этого и не знаешь?.. Неужели не знаешь...

— Знаю и знаю... Но гдѣ же я могъ бы взять такую массу хлѣба, которая нужна для этихъ тысячъ голодныхъ ртовъ... А дать одному, значитъ обидѣть всѣхъ...

— Гдѣ ты возьмешь хлѣба... Безстыдники!.. У тебя повернулся языкъ сказать это!.. Да у васъ у всѣхъ поворачивается языкъ и всѣ вы, каждый сидя въ уютѣ домашняго очага, закрываете глаза, повторяя эту фразу... О, посмотри вокругъ себя!.. Развѣ ты не окруженъ хлѣбомъ, чернымъ хлѣбомъ, котораго тамъ жгутъ умирающіе, больные, голодные... Развѣ

весь твой кабинетъ не изъ чернаго хлѣба сдѣланъ... Развѣ ты сидишь, пишешь, мечтаешь, любишься не чернымъ хлѣбомъ, который у тебя разставленъ на полу, развѣшанъ по стѣнамъ... Развѣ нога твоя топчетъ не пластъ чернаго хлѣба, когда ты ходишь изъ угла въ уголъ по кабинету, ища фразъ, фразъ и фразъ, которыми ты могъ бы менѣе поразить въ своемъ фельетонѣ...

— Картины, статуи, ковры... Но развѣ это хлѣбъ, развѣ много за нихъ дадутъ хлѣба...

— Малодушный!.. Тебѣ жаль разстаться со всѣмъ этимъ, и ты хочешь обмануть себя и меня... Ты не хочешь вѣрить, ты

ПРЕДВѢБОРНАЯ АГИТАЦІЯ.

КАДЕТСКИЙ КОНЦЕРТЪ, НАЛАЖЕНЪ.

БУДЕТ ВЫХОДИТЬ ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМ И ЧЕТВЕРГАМ.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА 20 НОМЕРОВ ОДИН РУБЛЬ
СЪ ДОСТАВКОЙ И ПЕРЕСЫЛКОЙ.

ОБЪЯВЛЕНИЯ ПРИНИМАЮТСЯ: НА ВТОРОЙ СТРАНИЦЕ ПО 60 КОП,
НА ПОСЛЕДНЕЙ ПО 20 КОП. ЗА СТРОКУ.

АДРЕС КОНТОРЫ И РЕДАКЦИИ: КОВЕНСКИЙ, 14
КОНТОРА ОТКРЫТА ЕЖЕДНЕВНО ОТ 11 ДО 4 Ч. ДНЯ. ТЕЛЕФ. 41-43.

ВЪ КОНТОРѢ МОЖНО ПОЛУЧАТЬ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНИЯ Н. Г. ШЕБУЕВА:

№ 2, 3 и 4 „ЛУЛЕМЕТА“ по 10 коп. (съ пересылкой 16 коп.).	ЮМОРИСТИЧЕСКИХЪ РАССЛАЗОВЪ (издание второе съ иллюстрациями и. м. ГРАБОВСКОГО).
выпуски 1, 2 и 3 „СОЧИНЕНИЯ ШЕБУЕВА“ по 15 коп. съ пересылкой 20 коп. за выпускъ.	2) „ПЛОНСКІЕ ВЕЧЕРА“ и НЕГАТИВЫ ИЗЪ РУСИ.
книжки „БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ“—35	3) „НЕГАТИВЫ“ ИЗЪ РУССКАГО СЛОВА.
	4) „НЕГАТИВЫ“ ИЗЪ РУСИ.

ЦЕНА КАЖДОЙ КНИГИ 1 Р. СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ.
ОСТАЛЬНЫЯ ИЗДАНИЯ РАСПРОДАНЫ.

ВЪ Г. МОСКВѢ „ГАЗЕТУ ШЕБУЕВА“ МОЖНО ПОЛУЧАТЬ ЕЩЕ ГАЗЕТНОМЪ АГЕНТСТВѢ Л. А. ЯРЦЕВА, САДОВАЯ—ТРИУМФАЛЬНАЯ, БЛИЗЪ М. ДМИТРОВКИ, Д. ПЕРСИЦЪ, № 36 53.

ПЕРВЫЙ НОМЕРЪ „ГАЗЕТЫ ШЕБУЕВА“ ВЫШЕЛЪ ВТОРЫМЪ ИЗДАНІЕМЪ.

боишься вѣрить, что во всѣхъ этихъ камняхъ, бронзахъ и матеріяхъ столько хлѣба, что спасетъ отъ смерти не одинъ десятокъ несчастныхъ... Ты мнѣ жалокъ!.. Ты ничтожный, жалкій труслив. Ты Гарпагонъ, и тебя должна постичь кара неба...

Глаза его, то есть, орбиты глазъ, сверкали фосфорическимъ свѣтомъ, а гнусный голосъ звучалъ властно и властно: — Будь ты проклятъ!..

И онъ исчезъ. А я стоялъ ошеломленный, испуганный и озирался вокругъ, ища его... И вдругъ я почувствовалъ что-то странное, страшное...

Я увидаль, что всѣ предметы моего кабинета начинаютъ пухнуть и расти... Растетъ и пухнетъ бюлмораморная статуя, изображающая наго натуршину... И мраморъ тускнѣетъ, темнѣетъ, чернѣетъ, дѣлается землестѣе, землестѣе... И вотъ ужъ она доросла до потолка и согнулась и все растеть... И я подобно ей...

— Боже мой!.. Да вѣдь это хлѣбъ, вѣдь это камнѣ!.. Черный хлѣбъ, вѣдь это мрамора...

Смотрю, а справа всѣ стѣны закрываются картиной... Это этюдъ Левитана растеть, ширится, ползеть по стѣнѣ... Краски пухнутъ, дѣлаются землестѣями... Дѣлаются цѣта черного хлѣба...

И вотъ уже картина доросла до стѣны и вѣрзалась въ нее черною коркою—рамою.

А стѣна диванъ ширится, растеть... Стулья, кресла, письменный столъ... Все пухнетъ, бухнетъ и превращается въ черный хлѣбъ, растеть нлзается другъ на друга.

И кресло подо мной поднялось и стиснуло меня своими черствыми хлѣбными ручками... И коверъ разбухъ—поднялся... А съ потолка опускается на меня гигантская хлѣбная люстра...

И съ бокъ все, все... Картины, статуи, этажерки, бездлушки, роскошныя книги, все, все надвигается на меня, и вѣрзается, и давить мнѣ бокъ, шею, грудь...

И въ комнатѣ все тѣснѣе и тѣснѣе... И воздуха все меньше, и меньше... Вмѣсто воздуха всюду черный хлѣбъ, хлѣбъ...

Онъ душитъ, давить, тѣснить... Дышать нечѣмъ...

Негдѣ повернуться...

Я хочу крикнуть, а голосъ вязнетъ въ мякшищъ черного хлѣба.

Хочу бѣжать, а двинуться не могу, какъ въ тискахъ...

Въ кандалахъ черного хлѣба...

Я бѣсуюсь, я тону, я кричу истерично безнадельно...

Я стучу кулакомъ въ эту стѣну черного хлѣба...

Ужась леденитъ мое сердце... Я рыдаю...

Я проспаюсь...

Ужасный гость исчезъ. Это былъ сонъ. Только сонъ.

Но отчего же холодный потъ застылъ на моемъ лбу!

Отчего же запахъ черного хлѣба я еще слышу, обоняю, почти осязаю... Я вскакиваю.

Всѣ вещи на мѣстѣ...

Но отчего же, когда я вглядываюсь въ нихъ мнѣ дѣлается страшно и кажется, что онъ вотъ-вотъ начнутъ расти и дѣлаться землестѣе, чернохлѣбного цѣта...

И мнѣ чудятся безлазые глаза голода и его сырое, тяжелое, подвальное дыханье...

Н. ШЕБУЕВЪ.

О КОРСЕТАХЪ

Кто особенно доволенъ во всей этой скандальной исторіи съ пріятелемъ министра Гурко и ватерномомъ Лидвалемъ, такъ это портновскій торговый домъ И. П. Лидваль.

Во всѣхъ газетахъ появилось широкъвъщательное объявление:

«Мы, божьей милостью И. П. Лидваль, портной, поставщикъ Двора Его Величества, не имѣемъ ничего общаго съ фирмой «Торговый домъ и Техническая контора Э. Л. Лидваль и К°».

Реклама-то, реклама-то какая! Такъ и сказано всѣмъ буквами: «Мы не какой-нибудь г. Гурко, мы ничего общаго съ Э. Л. Лидвалемъ не имѣли, не имѣемъ и имѣть не будемъ.»

Мы не только не родственники ему, но даже не однофамильцы.

«Ни я, ни остальные мои сыновья: Вилгельмъ, Эдуардъ и Павелъ Ивановичи Лидваль, завѣдующіе моимъ дѣломъ, ни Федоръ Ивановичъ Лидваль, архитекторъ, не состояли и не состоимъ ни въ какой компаніи, ни въ какихъ-либо отношеніяхъ съ названной конторой и фирмой Э. Л. Лидваль и К°, принявшей на себя поставку хлѣба по контракту съ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ.»

За подобную рекламу можно заплатить огромныя деньги.

А портновскому дому она дается даромъ.—Счастъ само въ руки лѣзетъ!

«Господа заказчики, мы настолько порядочные люди, что спѣшимъ отстранить отъ себя даже тѣнь подозрѣнія, что знакомъ съ такими субъектами, которымъ г. Гурко довѣряетъ голодающіе милліоны!»

«Что прилично Гурку, то вовсе не прилично намъ.»

«Господа, дѣлайте у насъ заказы, потому что во всей этой скверной исторіи мы—сторона.»

Да, кто особенно доволенъ во всей этой аванюрѣ, такъ это портновскій домъ И. П. Лидваль.

Н. Г. ШЕБУЕВЪ ПРИНИМАЕТЪ ЕЖЕДНЕВНО ОТЪ 11 ДО 12 Ч.
КОВЕНСКИЙ, 14. ТЕЛЕФ. 41-43.

А кто особенно недоволенъ во всей этой скандальной исторіи, такъ это madame Эстеръ.

Madame Эстеръ...

Кто такая madame Эстеръ?.. Какъ, неужели вы не знаете, кто такая корсетница madame Эстеръ!..

Въ такомъ случаѣ, вы не петербуржецъ!

Madame Эстеръ, это такая же знаменитость, каковой въ Парижѣ была madame Эмберъ.

Она большая знаменитость, чѣмъ пресловутая тетушка Штейнъ!

Она большая знаменитость, чѣмъ шумѣвшій своимъ безшумнымъ клозетомъ monsieur Лидваль.

Monsieur Лидваль и madame Эстеръ... Клозеты и корсеты...

Что общаго между ними?..

А между тѣмъ, всѣ въ городѣ увѣряютъ, что въ продовольственной кампаніи фигурируетъ не дуумвиратъ—Лидваль-Гурко, а триумвиратъ—Эстеръ-Лидваль-Гурко.

Я лично привыкъ ничему не удивляться.

Не удивлюсь даже, если мнѣ скажутъ, что въ кампаніи принимала участіе и madame Штейнъ.

Конечно, не клозетами или корсетами, а solo-векселями...

Но какъ бы то ни было, кто особенно недоволенъ во всей этой шумной исторіи съ безшумными клозетами, такъ это тетушка Эстеръ.

Въ ее положеніи я на самомъ видномъ мѣстѣ всѣхъ русскихъ и французскихъ газетъ напечаталъ бы:

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Во избѣжаніе недоразумѣній, считаю своимъ долгомъ довести до всеобщаго свѣдѣнія, что

1) моя фирма «Эстеръ», корсетница, поставщица дамскаго товара, Екатеринбургскій каналъ 24, Караванная 8, не имѣетъ ничего общаго съ фирмой «Торговый домъ и Техническая контора Э. Л. Лидваль и К°», Малая Конюшенная, 13.

Фирма «Торговый домъ и Техническая контора Э. Л. Лидваль и К°» принадлежатъ Эржи Леонардовичу Лидвалю, болѣе 17 лѣтъ тому назадъ выѣзденному и послѣ многолѣтняго-прѣбыванія въ Америкѣ открывшему означенную контору, между тѣмъ какъ владѣлица фирмы «Эстеръ» до сихъ поръ не была не только въ Америкѣ, но даже въ Сибири.

2) Моя фирма, пользующаяся довѣріемъ и заслуженной репутаціей за безупречную многолѣтнюю дѣятельность, никакими другими дѣлами или поставками, кромѣ какъ прямо вытекающими изъ своего назначенія, не занималась и не занимается.

Владѣлица фирмы Фанни Наумовна Трапина.

Такимъ образомъ тетушка Эстеръ получила бы возможность расзѣять ходящее по городу слухи, будто Гурку съ Лидвалемъ свела именно она.

Будто въ дѣлѣ поставки хивого... pardon... хлѣбнаго товара тетушка имѣетъ крупную долю.

Будто сначала Гурко намѣренъ былъ предлагать голодающимъ мужикамъ не клозеты, а именно корсеты.

Да оно и понятно,—голодающія бабы вопютъ куда сильнѣе мужиковъ, а, сдѣдовательно, ихъ надо удовлетворить въ первую очередь!

А кто же лучше тетушки Эмберъ удовлетворить женщину.

Всѣ въ Петербургѣ знаютъ, что по части удовлетворенія лучше тетушки Эстеръ нѣтъ и быть не можетъ.

Корсеты и вообще обходительность тетушки Эстеръ произвели бы на голодающихъ бабъ ошеломляющее впечатлѣніе.

Онѣ растерялись бы точно такъ, какъ теряется хорошеиная дѣвушка, попавшая впервые къ ней и экипированная благодѣтельной рукой тетушки даромъ.

О, совѣмъ даромъ, совѣмъ даромъ. Да, тетушка Эстеръ не была даже въ Сибири, а ее смѣшиваютъ съ Лидвалемъ побывавшимъ въ Америкѣ.

Она ведетъ самая безшумная дѣла въ мѣрѣ, а Лидваль такъ шумѣлъ.

Она имѣетъ дѣло съ товарами пахнущими самыми оригинальными духами въ мѣрѣ, ароматъ женщины, ароматъ прекрасной дѣвушки, что можетъ быть лучше его, а Лидваль... тьфу...

Эстерическіе товары производятъ эстетическое впечатлѣніе это живыя товары, а товари Лидваля...

Конечно Гурко имѣлъ полную возможность утолить голодъ корсетами.

Вѣдь, корсетъ такое же—пріобрѣтеніе культуры такое же дитя цивилизаціи, какъ и клозетъ.

Если вдуматься, конечно... Гурко могъ бы сдѣлать это.

Но въ данномъ случаѣ онъ не сдѣлалъ этого и тетушка Эстеръ имѣетъ полное право подписываться на вывѣскѣ и счетахъ:

Эстеръ (Не-Лидваль).

Какъ подписывается одинъ талантливый журналистъ

И. Василевскій (Не-Буква)

Пусть никто въ мѣрѣ не думаетъ, что между тетушкой Эстеръ и Лидвалемъ есть чтонибудь общее.

Пусть одинъ Гурко пахнетъ Лидвалемъ.

Иначе это отъ тетушки отгонитъ всѣхъ ее живыхъ клиентокъ.

А кромѣ того...

Кромѣ того... Кто знаетъ... быть можетъ, въ будущемъ году, ведя продовольственную кампанію, какой-нибудь другой бюрократъ, который займетъ мѣсто Гурко, обратится съ заказомъ не къ Тимоховичу, не къ Лидвалю, а именно къ ней.

10.000.000 пудовъ!

О, тетушка Эстеръ поставитъ это угодно...

А теперь вотъ на такую поставку всѣ надежды рухнутъ, если въ городѣ будутъ продолжать связывать имена Эстеръ-Гурко-Лидваля.

Я уполномоченъ заявить, что связи тутъ нѣтъ и не могло быть, потому что... потому что...

Ну, вотъ почему... этого я вамъ не могу сказать.

Спросите объ этомъ у барона Фредерика-нижегородскаго губернатора.

Спросите у г. Александровскаго изъ Краснаго Креста.

Спросите Рапофа и 15 дѣвочекъ.

Спросите завѣдующую хорнмъ въ Акваріумѣ г-жу Смѣлову, которая только что купила автомобиль.

Они тоже вамъ не скажутъ ничего...

Кстати, отъ лица, которое только что получило документы по дѣлу Лидваля я слышалъ, что американскій клозетманъ заключилъ не ту сдѣлку, какую ему приписываютъ.

Не договоръ поставки.

А договоръ продажи.

Лидваль продалъ 10.000.000 пуд. хлѣба, какъ будто бы онъ у него уже имѣлся.

Получилъ за него 800.000 рублей.

Ухаль въ Москву и телеграфировалъ, чтобы Гурко перевелъ ему 2.000.000 рублей въ Московскій Международный Банкъ... для уплаты по накладнымъ.

800.000 онъ получилъ, а расплачиваясь за куколъ долженъ былъ Банкъ...

Это ли не остроумно...

И куколъ поступалъ бы, и чиновники голодающихъ деревень его принимали бы...

Можетъ ли браковать чиновникъ куколъ идущихъ отъ Гурки!

И... все было бы по хорошему...

Если бы у Лидваля было 10 милліоновъ пудовъ куколъ.

Но даже куколъ у него не было!

Тетушка Эмб... pardon Эстеръ, что вы думаете о куколѣ?

Н. ГЕОРГИЕВИЧЪ.

ЮГОВОСТОЧНЫЕ ЧЕЛОВѢКИ.

Въ понедѣльникъ у меня былъ Н. Е. Панафининъ, автографъ котораго былъ воспроизведенъ въ прошломъ номерѣ моей газетѣ.

— Пріѣхалъ лично объясниться по поводу позорной моей чести замѣтки.

Разговорились.

— Что же именно позоритъ вашу честь? Развѣ вы не играли съ Поникаровскимъ?

— Игралъ. Но всего раза два-три.

— Развѣ вы не были близки обществу юговосточныхъ желѣзныхъ дорогъ.

— Я былъ не председателемъ правленія, а председателемъ общаго собранія

СКАЗКА.

За днями дни. Въ разгарѣ трудъ Упорный, словно въ бурю кедры, Изъ глуби горъ, изъ тайныхъ нѣдръ...

Звонки трубы и звонки литавры. Чье-то слово—завясь развѣяны, Бурный крикъ прокатился, какъ лава: «Вотъ нашъ богъ, долго въ мысляхъ лѣгкѣнныи!»

ИЛЬЯ ГУРВИЧЪ.

ГДѢ СБОРЫ?

Въ Петербургѣ произошло странное и загадочное событие: пропали сборы? Въ этомъ обстоятельствѣ, какъ вы сами понимаете, болѣе всего оказались заинтересованными директоръ театровъ...

Но это въ скобкахъ. Шерлокъ Холмсъ принялся за поиски. Для того, чтобы вѣрнѣе напасть на слѣдъ, онъ притворился рецензентомъ, и потому ни къ селу ни городу задавалъ самые нелѣпые вопросы. И всѣ повѣрили, что это именно и есть рецензентъ большой литературной газеты, и всюду пускали.

ПЮРЬМОВЪДЪКЪ

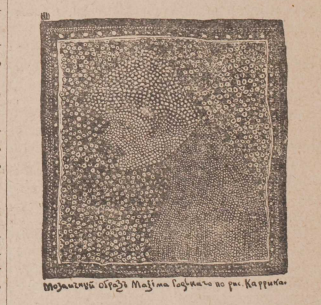
ЕЩЕ РАЗВЛЕЧЕНИЯ.

Продолжаю изученіе цинготныхъ правилъ. Третье изъ нихъ гласитъ: «Вставши утромъ вынести горшокъ-парашу, умыться расчесать волосы и, положивши опрятно свою постель, закрыть койку».

У новичка обыкновенно хватаетъ воды, чтобы умыть руки, а для лица, если терпѣливъ, онъ можетъ ожидать гока простынетъ киятокъ въ кувшинѣ. Я лично не удивляюсь кающемуся страннѣму на первый взглядъ желанію начальства отучить арстанта отъ чистоты.

Въ «Вечерней Зорѣ» браваго поручикъ полюбилъ Клерхень—Селиванову. Г-жа Селиванова была изъ Москвы, а поручикъ Лауфенъ вродѣ изъ Гаммергассе, поэтому ничего добраго у нихъ не вышло. Пришлось ее пристрѣлить—не столько изъ сочувствія къ нѣмецкой морали, сколько потому, что Императоръ Вильгельмъ II былъ, какъ извѣстно, противъ этой пьесы. А Императоръ Вильгельмъ II сами знаете... но тсс... не надо о политикѣ.

даже что-то такое говорить о «Думѣ». Но въ это время совершенно неожиданно появляется «Жена министра» изъ Парижа и вноситъ въ дѣло немалую сумятицу. Едва справились съ «Женой Министра», на каедрѣ появляется «профессоръ Ясенева». Ну вы понимаете, какъ въ реакціонныхъ кругахъ Дани отнеслись къ профессору на каедрѣ. Такъ же какъ у насъ его милогъ убралъ. Реформы вотъ-вотъ на носу. Уже переводчикъ «Струнзе», г. Скиталецъ огоршается письмомъ своего пераго переводчика А. А. Плещеева; уже...

А вдругъ пробовщикъ сблѣтнетъ чтонибудь такое, отъ чего у васъ мертгаго волосы стануть дыбомъ. Я не знаю избавляетъ ли дѣйствительно смерть отъ одиночнаго режима. Могу тръпъ ли хоть на вашъ тръпъ ваши родные глядѣть не пять минутъ, какъ на свиданіи и не при жандармѣ...

Шерлок Хольмс отправился къ Попову за кулисы и спросил:

— А какъ же сборы.

На что Поповъ сдѣлалъ свирѣе лицо и отвѣтилъ хотя и кисло для себя, но остроумно для другихъ:

— Сборы? Сборы у меня въ «Воздушныхъ замкахъ».

И это подтвердили Ленскій, Мамонтовъ, Бонусъ и Соколова.

Однако, Хольмс, видя окружающее, сдѣлалъ комнату въ Гавани и черезъ три дня прѣхалъ въ Петербургъ, въ Малый театръ.

Въ «Современныхъ Амазонкахъ» всѣ актрисы носили мужской костюмъ, и это было такъ же на маскарадѣ въ Приказничьемъ клубѣ.

Въ «Листопадѣ» г. Туношенскій разрабатывалъ аграрный вопросъ, говорилъ много о хлѣбѣ, но совсѣмъ, казалось, что рѣчь идетъ о фирмѣ Лидваль.

Въ «Докторѣ» г. Безпятовъ доказывалъ, что необходимо какъ можно скорѣе ввести «восьмичасовой рабочий день». Иначе настанетъ перепроизводство пьесъ обратно-пропорціоннаго ихъ качеству.

И подтверждалъ наглядно.

Въ «Спасителѣ» — убѣжавшемъ отъ Колчинской, г-жа Рошина-Инсарова объясняла, что женщина — не дѣвушка, а любовь не картошка.

И танцевала *danse macabre*.

Хольмсъ все это смотрѣлъ, слушалъ, но сборовъ не видѣлъ.

И наконецъ... наконецъ онъ открылъ гдѣ эти таинственно исчезнувшіе сборы.

Подъѣзжали экипажъ за экипажемъ, дрались у кассы, наживались барышники.

— Что идетъ сегодня? — спросилъ Хольмсъ, съ отгнѣнно-наивнымъ лицомъ, ибо поддѣлывался подъ рецензента.

— Шерлокъ Хольмсъ! — отвѣтили ему съ гордостью Главацкій, Карповъ и Суворинъ.

— Что-о-о?

Но это была правда.

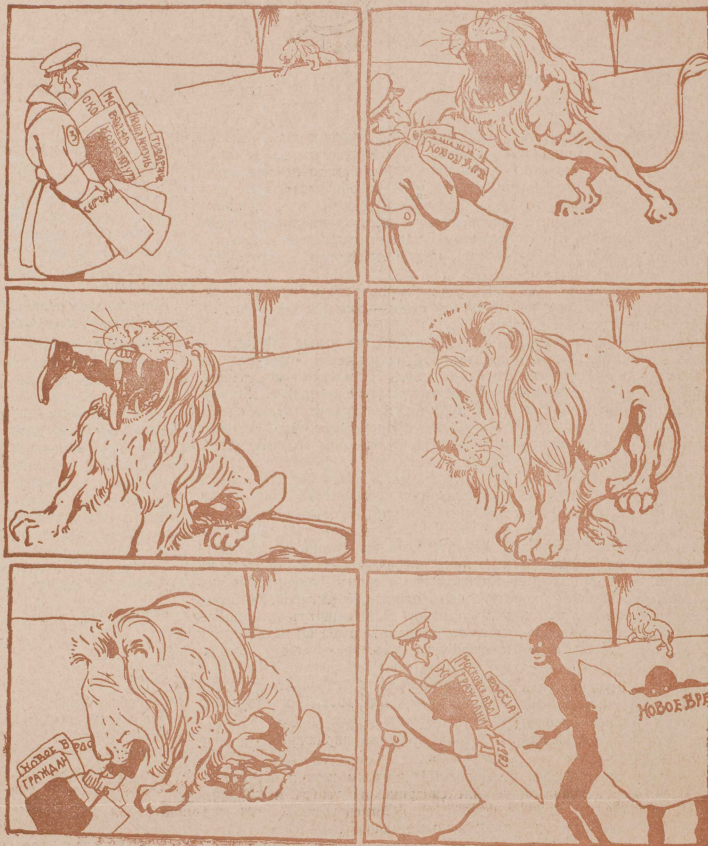
Тутъ онъ узналъ, что именно съ нимъ продѣлалъ знаменитый драматургъ В. В. Протопоповъ, плюнулъ и сказалъ:

— Shoking!

И въ тотъ же вечеръ уѣхалъ въ Англию.

НЕ-ТЕАТРАЛЬ.

ПОНЕДѢЛЬНИКЪ ВЪ САХАРЬ.

смотрѣть на него. И прятали свои взгляды.

А онъ такъ жадно ловилъ и молилъ этихъ взглядовъ.

И при этой трепещущей развалинѣ былъ приставленъ бравый тюремщикъ, чтобы мы не могли подать какой-нибудь знакъ этому несчастному...

Его зубы лихорадочно выстукивали дробь.

И я жалалъ, что надзиратель ему кричитъ:

— Стучать не полагается!

И онъ будетъ правъ, потому что § 20 цинготныхъ правилъ гласитъ:

«Заключенному строго воспрещается гдѣ бы то ни было, не только вступать въ разговоръ другъ съ другомъ, но и сноситься посредствомъ знаковъ, стука и проч...»

Но вернемся къ циркулярнику.

Онъ не краснорѣчивъ и отвѣчаетъ на вопросы загадками и поговорками объективнаго характера.

Я спросилъ, напримѣръ, его:

— Довольны ли вы здѣшной практикой?

Онъ отвѣтилъ:

— Мѣсто свято не бываетъ пусто.

Это надо понимать:

— Да, очень доволенъ, потому что здѣсь всегда много кліентовъ. А въ одиночномъ заключеніи волосы растутъ особенно быстро. Скучно, — вотъ они и растутъ.

Изъ всего въ тюрьмѣ надо умѣть сдѣлать развлеченіе.

Если вы носили бороду, — сбрейте ее. Это васъ развлечетъ на недѣлю. Каждый день вы будете улыбаться, видя въ осколкѣ зеркала «чужую» физиономію.

А когда привыкнете къ этой физиономіи, сбрейте и усы.

Еще недѣлю передъ вами новое лицо.

Привыкнете, — отпускаяте баки, спань-

олку, бороду, или усы, — разнообразіе небывало.

Я не знаю, запротестовало ли бы тюремное начальство, если бы вы даже сэксстравагантничали, заставивъ парикмахера обрить только правую сторону лица, а лѣвый усъ и лѣвую половину бороды оставить въ покоѣ.

Наконецъ, можно сбрить лѣвый усъ и правую половину бороды.

Но въ этомъ, вѣроятно, начальство увидитъ условный «знакъ» и лишитъ васъ прогулки.

Политическій Фигаро бреетъ только политическихъ. Для уголовныхъ же особаго приходящаго парикмахера не полагается, потому что въ средѣ арестантовъ всегда оказывается нѣсколько человѣкъ этого почтеннаго цеха. Они-то и несутъ повинность «стрижки и бритья» на тѣхъ же началахъ, на какихъ парашники несутъ свою, кипятюшники — свою, фельдшера — свою повинность.

Всѣ профессии посылаютъ въ тюрьму своихъ представителей.

Мѣсто свято дѣйствительно не бываетъ пусто.

Послѣднее развлеченіе этого параграфа правилъ гласитъ о койкѣ.

Политическіе арестанты пользуются коенной льготой. Уголовные обязаны на день прикрѣплять ее къ стѣнѣ. Мы же, политическіе, можемъ и днемъ баловать грѣшное тѣло лежаніемъ, — себѣ дороже.

Двигайтесь, двигайтесь, какъ можно больше. Поставьте себѣ задачей пройти пѣшкомъ отъ Петербурга до Москвы по рельсамъ Николаевской дороги.

Высчитайте, сколько шаговъ въ камерѣ вы сдѣлаете въ часъ, сколько верстъ въ день, сколько станцій въ мѣсяцъ...

Это васъ развлечетъ.

5) «Послѣ обѣда и ужина, вымывши посуду, поставьте ее на установленное мѣсто».

6) «Вечеромъ, по совершении молитвы, раздѣвшись, уложить въ порядкѣ на табуретѣ свое платье».

«Вымывши и вычистивши», это звучитъ, какъ плеоназмъ. Чѣмъ вы будете чистить посуду?

Она мѣдная, — надо кирпичъ или песокъ, — ихъ нѣтъ. Слѣдовательно, вопросъ о чисткѣ отпадаетъ.

«Установленное мѣсто» — надъ парашкой. Какъ это ни обидно для человѣческаго достоинства, но лучшаго мѣста для вашего сервиза не придумали. При этомъ тазъ долженъ висѣть за колечко надъ самой парашкой.

Я училъ васъ противузаконію, когда совѣтовалъ поставить тазъ въ уголъ на полъ и колить въ немъ охлажденные кипятки, — для умыванія на завтра.

Нѣтъ, по цинготнымъ правиламъ вы должны довольствоваться тѣмъ количествомъ влаги, которое умѣстится въ кувшинчикѣ.

Быть чистымъ — это уже роскошь.

6) «Заключенный обязательно долженъ заниматься по назначенію Начальника тюрьмы, причѣмъ обязанъ знать размѣръ получаемой имъ за исполненную

работу платы, о чемъ онъ поставляетъ въ извѣстность мастеромъ».

7) «Въ вознагражденіе за работу назначается изъ вырученнаго дохода 4/10 части, т. е. 40 коп. съ одного рубля, и каждый заключенный послѣ получения на руки рабочей книжки, въ случаѣ исправности записи, имѣетъ право въ теченіе мѣсяца заявить объ этой несправности; по истеченіи этого срока никакія жалобы приниматься не будутъ».

8) «Въ случаѣ порчи казеннаго матеріала вслѣдствіе неумѣлости работать, никоимъ образомъ его не скрывать, а заявить надзирателю».

9) «...предоставляется съ разрѣшенія Начальника тюрьмы расходовать на свои надобности и пособія семейству половину заработанныхъ денегъ. Другая половина остается неприкосновенной и выдается только при освобожденіи».

Это очень серьезные параграфы правилъ. Это отвѣтъ на ежедневную молитву, которую такъ скорбно поютъ арестанты:

... «Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь»...

ОПЕРА.

Рутину царить въ оперѣ сильнѣе, чѣмъ въ концертѣ. Дороговизна постановки спектакля сильно влѣяетъ на развитие опернаго предпріятія. Единичныя постановки въ большинствѣ устраиваются или музыкальными школами, или учителями пѣнія показавъ находящійся у нихъ въ обработкѣ голосовой матеріалъ. Берутся обыкновенно сцены изъ заграничныхъ оперъ. Публика, слышавшая ихъ въ образцовомъ исполненіи, вообще не интересуется такими спектаклями, за исключениемъ знакомыхъ, и родственниковъ выступающихъ артистовъ.

Давно не было попытки съ небольшими силами дать что-либо новое, хотя бы одноактную оперу. Единственный и блестящій примѣръ до сихъ поръ предъ глазами: когда вышедшая изъ Консерваторіи часть учениковъ по поводу исключения проф. Римскаго-Корсакова устроила спектакль, успѣвъ быть неожиданнымъ.

При любви къ дѣлу они въ 10 дней разучили «Каян» — вещь, несравненно болѣе трудную, чѣмъ старая классическая опера, на разуучиваніе которыхъ уходило въ консерваторіи по полу-года и больше. Важна любовь къ дѣлу, необходимо одушевленіе. Этого и только этого пути можетъ прочно повесть къ возрожденію опернаго дѣла.

На менсатно много рассчитывать нельзя: оно или является случайно, или обставляется иногда требованіями чуждыми искусству. Новая сильная молодая идея, пробивая путь въ обществѣ, всегда вызоветъ и притокъ средствъ.

Наши казенныя оперныя театры, обладая превосходными силами, имѣли въ дирекціи лицъ безъ специального музыкальнаго образованія. Результатъ очевиденъ. Въ прошломъ году въ Маринскомъ театрѣ давались даже оперетки, маскарады съ дивертисментами и т. д. Конечно, иеть и опера, но выборъ ея не всегда удаченъ.

Напримѣръ, оффенбаховскія «Сказки Гофмана», возобновляются, а бѣдная, «Хованщина» Мусоргскаго лежитъ давно въ архивѣ и не возобновляется! Не спорю, Оффенбахъ одинъ изъ лучшихъ опереточныхъ композиторовъ; но развѣ выдвигать такое направление, значитъ создавать новую казенную опереточную сцену.

Нельзя же игнорировать сильныя и оригинальныя вещи — созданія народнаго гения.

Возобновляется же нынче «Неронъ» — произведеніе не имѣющее никакого колорита эпохи. Написанный для парижской сцены, онъ приспособленъ къ вкусу публики: мелодраматическія сцены, ари болѣе концертныя, чѣмъ оперныя и т. д. Но духа того времени нѣтъ. Этотъ сюжетъ, но не въ этой обработкѣ, превосходно годился бы для новыхъ музыкальныхъ декадентовъ, рисую римскія оргіи, безуміе, сатанинскую иронию въ главѣ съ типичнымъ Нерономъ, вспомните хотя бы сущность его натуры, какъ передаетъ намъ Ренанъ въ «Антихристѣ». Неронъ Рубинштейна можетъ быть одинаковъ Аттилой, Петромъ, кѣмъ угодно. Завѣсь центръ въ общемъ характерѣ драматизма. Музыка за исключеніемъ двухъ, трехъ мѣстъ страдаетъ банальными оборотами. Сценическая постановка не отличалась отъ другихъ. Одною Давыдовъ былъ хороше въ роли Нерона.

Оперой увѣренно дирижировалъ Блюменфельдъ.

Народный домъ, несмотря на ограниченныя средства, поставилъ очень тщательно «Садко» Римскаго-Корсакова. Партію Волховъ пѣла Орель, Садко — Ростовскій; оба отнеслись серьезно къ своей задачѣ. Выдѣлялась Савельева въ роли Нѣжаты и Андреевъ, индійскій гость. Декоративная и костюмная стороны были удовлетворительны.

Вслѣдъ затѣмъ поставлена «Майская ночь» того же автора. Къ сожалѣнію, залъ Народнаго дома неудовлетворителенъ по акустикѣ и эта тонкая и прозрачная по инструментовкѣ опера вслѣдствіе этого немного проигрывала въ своихъ красотахъ.

«Новая опера», открывая свои двери въ Акваріумѣ «Джюкондой» познакомила насъ съ новыми гастролерами и гастролершами, но по репертуару осталась пока старой.

Большое вниманіе обратила на себя меццо сопрано Марія Гай, исполнивъ нѣсколько разъ партію «Карменъ».

Она превосходно поняла и создала заглавную роль. Испанка по природѣ, Гай изучила у себя на родинѣ этотъ типъ жучей, страстно влюбленной вулгарной, суевѣрной женщины со всѣми ея деталями и характерными черточками. Въ ея игрѣ рѣзкіе повелительные жесты чередуются съ обольстительными улыбками.

Характерныя испанскія танцы съ удивительнымъ владѣніемъ кастаньетами производятъ чарующее впечатлѣніе.

Сильный красивый по тембру голосъ, хорошо обработанный, ровный во всѣхъ регистрахъ, въ связи съ тонкой нюансировкой привлекаетъ вниманіе. Сцена съ Хозе въ 1-мъ актѣ и сцены гаданія и смерти — два полуса въ настроеніяхъ, показываютъ гибкость ея натуры. Мимика полна экспрессіи. Такая игра, дающая цѣльный образъ, надолго остается въ памяти и дѣйствуетъ заразительно на публику. «Карменъ» прошла съ полными сборами и полнымъ успѣхомъ около 10 разъ. Интерпретация ею партіи Далилы была значительно слабѣе.

Выступившая предъ нею въ «Джюкондѣ» Евгения Бурціо обладаетъ нѣсколько грубоватымъ, но большимъ голосомъ, владѣя имъ легко и музыкально. Лучшая роль ея въ «Аидѣ».

Гастроллирующая теперь Марія Гальвани поразила своей колоратурой, соперничающей съ рудами флейты. Для нея возобновили «Лючю».

Но гдѣ же художественная постановка оперы, развѣ она желаетъ быть «новой»? Пѣніе на разныхъ языкахъ, да и вообще понятіе гастролера не вяжется съ новыми принципами, не говоря уже о невинномъ занавѣсѣ съ рекламными. Когда же пойдутъ общезнаема «Саломея» Рих. Штрауса, и «Луиза» Шарпантье, «Надь и Дамайнти» Аренскаго, «Бракъ

по неволѣ» Гумпердинка, «Херувимъ» Маена, «Мессалина» Исидора де Лара и др.?

Уже половина ноября — пора!

V. СЕНИЛОВЪ.

ОШИБКА.

Пѣла ты, касалась клавишъ,
я невѣжкою рукой.
— да когда же ты оставишь
эту глупость, грѣхъ какой!
— развѣ въ этомъ злая воля?
на меня не негодуи:
если вмѣсто ля вемольа
взялъ ля поцѣлуи...

ГРАФЪ БЕНГАЛЬСКІЙ.

ТАНЬКА-БЕКАНЬКА.

(шутка въ 1 дѣйстви.

дѣйствующія лица:

Таня (Танька-Беканька), 8 лѣтъ.
Лодя, гимназистъ пріготовительнаго класса.

Дина, сестра Лодя, подруга Тани, 7 лѣтъ.

Маша — горничная въ домѣ Таниныхъ родителей.

Лизка — любимая кукла Тани безъ лѣвой ноги.

Сцена представляетъ столовую. Направо отъ зрителей дверь въ переднюю. Прямо — дверь въ гостиную. Налѣво — дверь въ папинъ кабинетъ. При поднятіи занавѣса Таня стоитъ въ лѣвомъ углу съ самымъ скучающимъ выраженіемъ лица. На полу подъ столомъ лежатъ кукла. Таня украдкой бросаетъ на нее взгляды, не осмѣливаясь ее поднять.

Таня (ковыряя обои). — Вотъ скучаю то... Такой праздникъ сегодня и стой въ углу... (Смотритъ на куклу). Лизкѣ пора обѣдать, а она валяется подъ столомъ... (озирается). Никто не замѣтитъ, если я ее возьму... (Дѣлаетъ два шага по направлению къ куклѣ, потомъ трусливо снова встаетъ въ уголъ). Опасно... Маша папѣ набѣдничаетъ... (Дѣлаетъ куклѣ знаки рукой и шловогоса кричитъ): Лизка!.. Не смѣй валяться на полу!.. Лизочка... поди сюда!.. Я тебя въ уголъ поставлю (Лизка лежитъ подъ

столомъ и не шевелится. Таня, разсердившись кричитъ громче) Лизка!.. Я тебѣ говорю!.. Ты какъ смѣешь меня не слушаться!

Маша (выглядывая изъ передней) — Вы меня барышня?

Таня (сконфуженно). — Нѣтъ, нѣтъ... Это я такъ...

Маша. — Ну то то же... А то мнѣ некогда... Отъ прачки пришла... (хочетъ уйти).

Таня (умилно). — Маша... Машенька...

Маша. — Что, барышня...

Таня. — Милая, голубушка, золотая, драгоценная, конфеточная... Я хочу тебѣ попросить... Только побожись, что не скажешь папѣ...

Маша. — Ну васъ... Мнѣ некогда... Говорите, что надо... Коли ерунду затѣли такъ не сдѣлаю, а если что можно такъ я съ полнымъ удовольствіемъ.

Таня. — А ты побожись, что папѣ не скажешь?... Машенька, золотая, серебряная, сахарная, карамельковая...

Маша. — Ну, ей Богу... Разрази меня Господи на маковъ зернышки, покарай меня Параскева Пятница, отишишь у меня языкъ, коли я что барину скажу... А если вы будете проситься изъ угла выйти, такъ я ни въ коемъ случаѣ не позволю. Потому что папенькинъ слово свято...

Таня (съ ужасомъ). — Что ты Маша... Развѣ можно... Если папа поставилъ, всякая дѣвочка должна стоять!.. Я не объ томъ хочу просить... Маша миленькая... я объ Лизкѣ... Она меня изъ терпѣнія вывела... Подай мнѣ, голубушка Лизку... Одною стоять въ углу такъ скучно, такъ скучно (чуть не плача). А съ Лизкой ужъ какъ нибудь пристою...

Маша (доставая куклу). — Привертели меня вы, барышня... (Подала ей). Только когда папаша будетъ звонить, извольте есь опять бросить... А не то и мнѣ и вамъ достанется... (уходитъ въ переднюю).

Таня (не выходя изъ угла беретъ куклу и начинаетъ ей читать нотацию) — Я тебѣ сколько разъ говорила дрянная дѣвочка... Лизка-Беканька!.. Когда мама зоветъ нужно бросить все и идти къ ней... Я тебѣ сколько разъ говорила, чтобы ты не лезла подъ столъ!.. Хотя бы ты Маша постыдилась!.. Скверная дѣвочка!.. Вотъ у тетя Диня дѣвочка умненькая, пинька... А ты беканька... Я тебя должна наказатъ... Сейчасъ вотъ пора тебя кормить обѣдомъ, а ты... оставайся безъ обѣда!.. Нечего плакать... И вставай въ уголъ... (ставитъ куклу въ уголъ, она валится). Да не такъ, а какъ слѣдуетъ... вотъ такъ... вотъ такъ... носомъ въ самый уголъ... (въ передней звонитъ. Таня вздрагиваетъ) Видно папа съ мамой прѣехали (поправляетъ передничекъ и дѣлаетъ плаксивую физиономію. Въ передней раздаются дѣтскія голоса. Таня вся вниманія) Кажется Дина прѣехала... и съ Лодей!.. (Хочетъ обѣхать къ нимъ на встрѣчу, но раздумала, снова бросилась въ уголъ и закрываетъ рученками личико).

Дина (входя съ Лодей и Машей въ столовую и не замѣчая прігорюнившейся въ углу Тани). — А Таня гдѣ?.. Развѣ ея нѣтъ дома?

Маша. — Нѣтъ съ... барышня дома...

Дина. — Что же она насъ не встрѣчаетъ?

Маша (съ усмѣшкой) — Онѣ... заняты...

Лодя (возмущенно). — Въ такой праздничный и занятый. Это вѣроятно ваша долготерпѣливая миссъ Шписъ старается...

Маша. — Нѣтъ миссъ ушедши...

Таня (всклипывая и не глядя на гостей). — Я... стою... въ углу... (Дина съ Лодей замѣтивъ ея, кидаются къ ней) меня... папа... до своего прѣзда... поставилъ... Я не могу... я не смѣю... играйте одинъ...

Лодя (участливо). — За что?... Вбоятъ за какіе-нибудь пустяки!..

Таня (всклипывая). Нѣтъ... за вѣное... за рыбокъ

Дина. — Разскажи, голубушка... За что?

Таня (плаксивымъ голосомъ). — За рыбки... тамъ... (показываетъ на дверь въ гостиную. Тамъ... рыбки... золотыя... Лодя (догадываясь). — Ты разбила акваріумъ.

Таня. — Я... я тутъ не виновата... Я хотѣла выкупатъ Лизку... (показываетъ на куклу) Я... подставила стулъ... (всклипываетъ) я влѣзла на него... (плачетъ навзрыдъ). А онъ противный отодвинулся... Я хотѣла рукой удержаться за акваріумъ... схватилась... (рыдаетъ). А акваріумъ на полъ бухъ... И рыбки... золотыя рыбки... на паркетъ... (не можетъ отъ слезъ больше говорить).

Лодя (участливо). — Несчастная... Преступленіе дѣйствительно важное...

Дина (указывая на куклу). — И ея тоже папа въ уголъ поставилъ?..

Таня (серьезно). — Нѣтъ... ея я поставила...

Дина. — За что?... Вѣдь она не виновата... Она можетъ быть и не хотѣла купатъ...

Таня. — Да я ея не за рыбокъ... А за то, что меня не слушалась... на полу валалась... (улыбаясь). А главное чтобы мнѣ одной въ углу стоять не скучно было...

Лодя (дѣловито). — А на долго твой папа ухалъ?

Таня. — Онъ къ Смирновымъ съ визитомъ. Къ обѣду вернется...

Лодя. — Дѣло дрянное... До обѣда часа три еще осталось... А насъ какъ разъ до обѣда въ гости отпустили...

Таня (опять хочетъ плакать). — Идите въ дѣтскую, играйте одинъ... Вамъ со мной скучно будетъ...

Лодя (съ жаромъ). — Что ты выдумала!.. Ни за что... Намъ съ тобой весело... то есть не весело... А мы должны быть съ тобой и помочь тебѣ...

Таня (печально). — Мнѣ не поможетъ... Мнѣ нельзя помочь... Я несчастная... ГАЗЕТА ШЕБУЕВА.

КАКЪ МЫ СЪ БАРОНОМЪ БЫЛИ НА ВЫСТАВКЪ КОЖИ, МЪХА, ПУХА.

— Ну такую то выставку могъ бы устроить и я!—протянулъ баронъ.
— Вы слишкомъ самонадеяны. Откуда ты возьмешь столько кожи, мѣха и пуха.

— Пуха! А гдѣ ты на выставкѣ видишь пухъ... Да если бы я выпустилъ пухъ изъ одной только своей подушки его было бы больше чѣмъ здѣсь на цѣлой выставкѣ.

Мы шли между витринами кожъ, кожъ и кожъ безъ конца.

Пуха дѣйствительно не было. Пера тоже.

— Я думалъ, что найду здѣсь шикарное обстановенное отдѣлъ дамскихъ шляпокъ боа, модистокъ и другихъ издѣлій изъ пера.

— Ага... ты рассчитывалъ, что на выставкѣ встрѣтишь ассортиментъ модницъ и модистокъ...

— Это-то и заставило меня придти сюда сегодня. А теперь смотри... На всю выставку, одна дама да и та такъ безпардонно худа, что... просто кости да кожа...

— Но вѣдь это и есть выставка кожъ. Въ пустынныхъ залахъ пассажа мы были единственными посетителями.

Было жутко, неловко, демонстративно. Идемъ мимо витрины, а у витрины въ безнадежно скучныхъ позахъ засѣли представители фирмъ.

И ихъ глаза слѣдятъ за каждымъ нашимъ движениемъ.

Словно не они экспонируютъ свою кожу.

А мы свою. Словно не ихъ экспонаты представляютъ изъ себя рѣдкость.

А мы сами.

И дѣйствительно самая большая рѣдкость на выставкѣ кожъ это посетители.

Разочаровавшись въ перъ, баронъ равнодушно скользилъ окомъ по кожанымъ Карла Липовица, который въ этомъ году уже успѣлъ сорвать три золотыя медали въ Антверпенѣ, Миланѣ и Ростовѣ-на-Дону.

— По выдѣлкѣ эти подметки не уступятъ бутербродамъ въ театрѣ Некрасовой-Колчинской.

— Вѣроятно и они бы получили золотыя медали въ Антверпенѣ, Миланѣ и Ростовѣ на Дону.

— Отчего бы въ самомъ дѣлѣ вмѣсто выставки кожъ не устроить здѣсь выставку бутербродовъ!

— Пахнетъ смазными сапогами и панчемъ. Милый классический запахъ. Помню, когда, бывало, ходилъ въ гимназическую ману всегда въ ранецъ клала на завтракъ бутерброды. И пока ранецъ былъ новый отъ бутербродовъ пахло вотъ именно такъ какъ... апчхи... здѣсь... у братьевъ Остерм... изъ Улеаборга... или... апчхи... у Владимира Савина въ Осташковѣ...

— Дѣйствительно въ носу свербитъ.

— Думалъ я, что услышу ароматы реап d'Espagne, а услышалъ реап d'escurie...

— Какое отвратительное существо человѣкъ!

— Да. Вѣдь подумать только чѣмъ занимается онъ.

— Содратъ съ животныхъ кожу и сблѣтать изъ этого выставку...

— А ты знаешь, что лучшая кожа получается если сдирать ее съ живого животного.

— Какъ же... въ старину кожевники такъ и назывались живодерами.

— Мнѣ показывали приспособленія для сдиранья кожи съ живой лошади...

— Да. Сантиментальничать на этой выставкѣ не приходится. Не отвратительно ли впечатлѣние производитъ хо-

тя бы вотъ эта цѣлая шкура быка, превращенная въ совершенно пригодную для всякихъ поддѣлокъ кожу. Когда ты видишь портмоне, ты забываешь совсѣмъ что это быкъ. А здѣсь ты видишь ноги, голову, часть хвоста и все это уже не животное, а вещь. Опытный закройщикъ можетъ тебѣ съ точностью сказать сколько портмоне выидетъ изъ этого быка Эрнеста Энна.

— А вотъ и еще видъ человѣческой жестокости. Мумии изъ животныхъ. Нѣкій Рукавишниковъ (не поэтъ) избралъ себѣ специальностью превращать животныхъ въ чулчелъ!

— А сколько педагоговъ занимаются тѣмъ же самымъ надъ живыми людьми. Развѣ не пытался учителя нашей гимназии съ помощью дубления латинью и навики греческимъ превратить насъ въ чулчелы!

— Но имъ не удалось это: — горячо воскликнулъ я.

— Еще бы, — самодовольно отозвался баронъ.

— Вязанная и фантазейная издѣлія Р. Левшица...

— Фантазейная... какое славное слово... Стихи Рукавишникова (не чулчелника) можно бы назвать фантазейными издѣліями... Однако ихъ на выставкѣ нѣтъ.

— Мало ли чего нѣтъ на выставкѣ. Выставка не велика и не богата и порядка въ ней нѣтъ.

— Да. Порядка нѣтъ! Да что нѣтъ, что устроитель не замѣтилъ, какъ отъ предыдущей «осенней» выставки картинъ здѣсь осталось нѣсколько штукъ... и попали онѣ въ отдѣлъ... Зингера...

— Ба... да это не картины, а вышивки... А вѣдь ей Богу это лучше картинъ петербуржцевъ... Больше широкое письмо.

— Здѣсь рукодѣлье менѣе замѣтно, чѣмъ въ картинахъ «петербуржцевъ»...

— А вотъ орудія пытки!

Мы подошли къ витринѣ дамской обуви Вейса.

— Мы привыкли глумиться надъ Китаемъ, который систематически изъ тысячелѣтій въ тысячелѣтніе портитъ ноги своихъ женщинъ... А мы, что дѣлаемъ мы!.. Развѣ не идеаль господъ Вейсовъ козлиныя копытца! Посмотри на этотъ богатый иллюстрированный каталогъ: какой вызовъ физиологич., анатомич., здравому смыслу и эстетикѣ хотя бы вонъ въ этихъ полупольскихъ ботинкахъ!.. А какая пытка должно быть ихъ носить!.. А какъ они должны уродовать ногу... Пальцы ноги въ нихъ могутъ помѣститься съ только въ такомъ положеніи словно они показываютъ кукишь...

Мы шли назадъ. Недовольные, разочарованные.

Снова попалась на встрѣчу худощавая особа, — кожа да кости.

Снова въ носъ ударилъ запахъ реап d'escurie.

Кожы, кожи, кожи...

— А знаешь что... здѣсь выставлены кожи содранныя человѣкомъ со всѣхъ животныхъ... съ быковъ, съ лошадей, съ оленей, зайцевъ, съ оленей, съ толены даже съ крокодиловъ... А кожи съ животного, съ котораго человѣкъ сдираетъ кожу всего охотнѣе и искуснѣе нѣтъ...

— О комъ ты говоришь...

— О русскомъ рабочемъ...

МЫ.

Дина.—Успокойся, Танечка... Не плачь. Я тоже... вчера стояла въ углу...

Лодя (увѣренно).—Надо что-нибудь выдумать... Не я буду, если не выдумаю...

Таня.—Выдумай, Лодечка... Вы, мальчики, умнѣ насъ...

Лодя (глубокомысленно морщитъ лобъ).—Да, вы всѣ дѣвочки чуть что, такъ и въ слезы... А тутъ слезами не поможешь... Надо подумать. (Думаетъ.)

Таня и Дина съ нѣмымъ ожиданіемъ смотрятъ на него. Молчаніе.)

Дина.—Ну?... Выдумай?... Лодя.—Нѣтъ еще (Молчаніе).

Таня (шопотомъ Динѣ).—А мы съ тобой, пока онъ думаетъ, поиграемъ въ куклы... Ты почему свою Катюшку не привезла...

Дина (серьезно).—У ней кашель...

Таня.—Надо ей порошки принимать... У тебя есть ступочка?... Возьми зубного порошка, сахару, соли... все это вмѣстѣ истолки и давай Катюшкѣ... Я всегда такъ лечу Лизку...

Лодя (торжественно).—Придумалъ!

Таня.—Ну, говори скорѣй...

Лодя.—Тебѣ, Таня, осталось стоять до обѣда три часа... Мы тебѣ должны помочь... Давай раздѣлимъ эти три часа между нами троими поровну... Пусть каждый изъ насъ стоитъ по часу... Я—часъ... Дина—часъ... Таня—часъ...

Таня (прыгаетъ).—Ахъ, какъ это хорошо!.. Какой ты умный!

Лодя (Еще торжественнѣе).—А для того, чтобы стоять намъ было не скучно, давайте, встанемъ все въ уголь сразу, ты, Таня, оставайся въ этомъ... Дина встанай въ тотъ... А я—вотъ въ этотъ...

Дина (въ восторгѣ).—Вотъ какъ весело... (Всѣ встаютъ въ уголь).

Лодя.—Только чуръ стоять какъ слѣдуетъ. Не шалить и не разговаривать... (Молчаніе).

Таня.—Часъ... А что, это долго?..

Лодя.—Какой глупый вопросъ... Въ

часъ 60 минутъ, а въ минутѣ 60 секундъ...

Дина.—Шестидесятъ, да еще шестидесятъ... Это чересчуръ много... Не считаешь...

Лодя.—Не шестидесятъ да шестидесятъ, а шестидесятъ разъ шестидесятъ... Это еще больше...

Дина (капризно).—Тебѣ хорошо, ты давно въ уголь не стоялъ... А мнѣ какъ-то... Я вчера только стояла...

Лодя.—Ты должна... Это для Тани...

Дина (капризно).—Для Тани... Танѣ хорошо стоять съ куклой... Кабы я знала, да въ гостяхъ придется стоять въ уголь, и я бы куклу захватила...

Таня.—А ты иди ко мнѣ въ уголь. У меня уголь хорошій. Вдвоемъ помѣстимся.

Дина (обращаясь къ Лодѣ).—Можно?.. Лодя.—Иди. Все равно въ какомъ углу стоять. Только не озорничайте вмѣстѣ. (Дина прибѣгаетъ къ Танѣ. Стоятъ въ уголь, обнявшись.)

Лодя.—А тебѣ, Лодя, скучно?..

Дина (зѣвая).—Нѣтъ, весело...

Лодя.—А самъ зѣваетъ. Иди и ты къ намъ...

Лодя.—Это можно. (Идетъ къ нимъ въ уголь. Стоятъ всѣ трое, молча.)

Таня.—А вдругъ уже часъ прошелъ.

Лодя.—Ха-ха-ха... Пяти минутъ не прошло, а ты говоришь часъ...

Таня (плаксиво).—Пора Лизку обѣдомъ кормить... она у меня и вчера не обѣдала, миссъ Шписсъ помѣшала...

Дина.—Что же ты ее уморить хочешь. Непремѣнно надо покормить ее...

Таня.—Да развѣ, можно отсюда уйти. (Вздыхаетъ.)

Дина (тоже вздыхаетъ).—Да... бѣдная Лиза... (Молчаніе).

Лодя (торжественно).—Дѣвочки... Я выдумалъ, что дѣлать. Идите объ... Играйте... Я за васъ подежурю...

Таня (удивленно).—Какъ подежурю?.. Это что такое «подежурю»?..

Лодя.—Всѣ больше такъ дѣлаютъ... И мой папа тоже... Если въ министерствѣ онъ долженъ сидѣть въ праздникъ, онъ проситъ Ивана Ивановича за него подежурить... Иванъ Ивановичъ папу любитъ и вмѣсто него сидитъ... А папа дома остается... Вотъ и я тоже... Я Таню люблю... и пусть она идетъ играть... А я за нее останусь... Для меня въ уголь стоять привычное дѣло... (Таня и Дина хлопаютъ отъ радости въ ладоши, схватываютъ куклы и убѣгаютъ). Экая торопыга. Даже не поблагодарила меня... (Молчаніе. Разглядываютъ обои). А уголь здѣсь не важный. У насъ дома куда лучше. Во, первыхъ, обои интереснѣе, а во-вторыхъ, паутина и въ ней паукъ... Есть на кого смотрѣть... (Зѣваетъ). Кабы я зналъ что придется въ уголь стоять, принесъ бы сюда въ коробочкѣ паука... (Молчаніе. Ковырять въ носу. Начинаетъ пошвыстывать). Впрочемъ, въ гостяхъ нельзя свистать. (Зѣваетъ). Вотъ скучица-то! (выворачиваетъ у себя карманъ панталонъ наружу потомъ снова выправляетъ его. Продѣлываетъ это нѣсколько разъ). Нѣтъ, правду видно пословица говоритъ: въ гостяхъ хорошо, а дома лучше. Дома даже углы уютнѣе. (Достаётъ изъ кармана куртки карандашъ и начинаетъ рисовать на обояхъ угла). Тыфу! Даже не видно, что рисуешь... Какіе скучные обои... (Подумавъ). Видно, Танинъ папа не любитъ своей дочки... То ли дѣло мой папа. Я самъ своими глазами слышалъ, какъ онъ говорилъ мамѣ, покупая обои: надо выбрать посвѣтлѣе, чтобы Лодѣ не такъ скучно было въ уголь стоять... (Снимаетъ съ себя ремень, разстегиваетъ пряжку, машетъ имъ съ воинственнымъ видомъ по воздуху. Потомъ зѣваетъ и снова надѣваетъ ремень). Нѣтъ, и въ разбойниковъ не играетъ. (Глубокомысленно). Вотъ, вѣдь, какъ миръ уст-

роенъ. Думалъ, что въ гостяхъ пирожкомъ угостятъ, а оказалось... попалъ въ уголь... Видно, правда въ учебникѣ сказано «Не красна изба углами, а красна пирогами»... (Заслышавъ чьи-то крашущіе шаги). Тс... кто-то идетъ!.. (Принимаетъ бравую позу и встаетъ въ уголь по всѣмъ правиламъ искусства. Входитъ робко Таня.)

Таня (подходить ласково къ Лодѣ).—Милый Лодя... Ты все стоишь...

Лодя. Стою... Развѣ часовой можетъ сойти со своего поста...

Таня (съ удивленіемъ).—О какомъ ты постѣ говоришь? Сегодня праздникъ, а не постъ... Милый, тебѣ скучно...

Лодя (зѣвая).—Нѣтъ, мнѣ весело...

Таня (растроганно).—Какой ты добрый, милый... А я убѣжала, даже и не поблагодарила тебя. Хочешь, я тебя поцѣлую...

Лодя (съ достоинствомъ).—Мальчики не цѣлуются. (Оглянувшись) А, впрочемъ... никто не видитъ... (цѣлуетъ)... Только никому не говори... (Таня суется ему что то въ руку). Это что такое?..

Таня.—Это тебѣ... на память... Я съ Пасхи берегла... Шоколадное яичко... Смотри, не разбей... Это тебѣ за уголь...

Лодя.—Я безъ всякихъ подарковъ стою... Просто, чтобы спасти тебя... (Отстраняетъ руку съ подаркомъ).

Таня.—Возьми, возьми, Лодя... Не обижай меня.

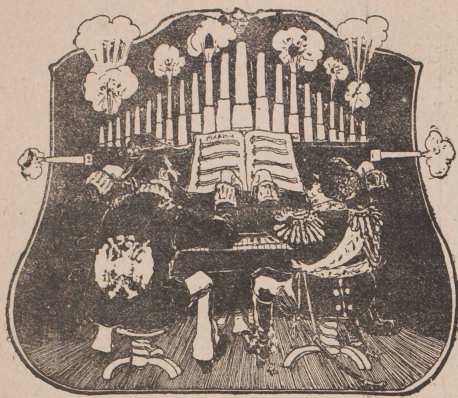
Лодя.—Ну, спасибо! (Цѣлуетъ ее). Я буду цѣлый вѣкъ хранить его на память объ тебѣ. (Кладетъ яичко въ карманъ брюкъ). Только ты никому не говори... А то скажутъ, что я стоялъ въ уголь изъ-за яичка...

Таня (торжественно).—Никто, никто не будетъ знать о немъ!.. (Въ передней звонитъ). Это, вѣроятно, папа... Пусты меня въ уголь.

Лодя.—Ни за что!..

Таня.—Меня папа будетъ бранить!..

ПРЕДВЫБОРНАЯ АГИТАЦИЯ.

МАРШЪ „МИРНОЕ ОБНОВЛЕНІЕ“

РЪЧИ О РЪЧИ

Моя замѣтка о томъ, что наследники С. П. Марголина поѣдили не только его дѣла, но и рѣчи, произвела въ адвокатскомъ мнѣ большое впечатлѣніе.

Участники процесса Небогатова, на страницахъ газеты слышатъ очиститель себя отъ подозрѣній въ экспроприации мыслей и афоризмовъ покойнаго оратора.

Л. А. Базуновъ считаетъ чистѣйшимъ вымысломъ существованіе готовой рѣчи С. П. Марголина.

Какъ могъ онъ написать рѣчь за полъ года до начала процесса, не имѣя обвинительнаго акта.

А. П. Квашнинъ-Самаринъ тоже сомнѣвается въ существованіи особой рѣчи, хотя сознается:

«Онъ (т. е. С. П.), много думалъ о дѣлѣ Небогатова и свои мысли излагалъ въ особую тетрадку. Эту тетрадку вмѣстѣ съ прочими замѣтками я передалъ въ распоряженіе адм. Небогатова, для

котораго они представляютъ большой интересъ. И по моему мнѣнію ими можетъ распоряжаться только адм. Небогатова, интересъ котораго въ этомъ процессѣ должны быть на первомъ планѣ».

М. С. Маргулисъ говоритъ:

— Судь уже призналъ, что Небогатова былъ однимъ изъ лучшихъ к.-адм. русскаго флота. Въ этомъ дѣлѣ сыграли огромную роль покойный Марголинъ, но не рѣчи, которую онъ якобы написалъ, а систематизацией матеріала, такъ что намъ, защитникамъ адм. Небогатова, была проторена дорога.

Я удовлетворенъ.

Рѣчь Марголина, если она существуетъ не будетъ произнесена отъ чужого имени. Но даже, если она и не существуетъ, Марголину воздадутъ должное.

Защита уже признала, что ей проторена дорога Марголинымъ.

Останется на судѣ повторить это.

Лодя.—Бѣги къ Надѣ въ дѣтскую... Играть... съ папой твоимъ объясняйся... Онъ пойметъ.

Таня.—Ахъ, Господи, какъ я боюсь... (Убѣгаетъ. Входитъ Таня въ комнату. Смотритъ на уголъ).

Папа.—А Таня гдѣ?.. Лодя.—Я за нее...

Папа.—Что это значитъ! Я поставилъ въ уголъ дѣвочку, а она превратилась въ мальчика! Какъ она посмѣла не послушаться меня и убѣжать изъ угла...

Лодя.—Я ее насилу уговорилъ...

Папа.—А ты развѣ не знаешь, что если родители наказываютъ, дѣти должны безпрекословно повиноваться? Лодя.—Знаю.

Папа.—Какъ же ты ее научилъ непослушанію!..

Лодя.—Это не непослушаніе... А такъ ий папа всегда дѣлаетъ... Когда его наказываютъ, онъ проситъ другихъ постоять за него...

Папа (улыбаясь).—Кто папу наказываетъ?

Лодя.—Начальство... въ министерствѣ...

Папа.—Чѣмъ наказываютъ?

Лодя.—Папа всегда говоритъ: дежурство для меня наказаніе... И вотъ, если ему придѣтся дежурить въ праздникъ, онъ проситъ Ивана Ивановича подежурить за него...

Папа.—Ха-ха-ха!.. Такъ и ты дежурить за Таню!.. (Смѣется). Ну, и милый же ты мальчикъ!.. (Хочетъ его поцѣловать). Скажи Танѣ, что я ее прощаю... А мамѣ скажи, чтобы она накрывала на столъ и давала обѣдъ!

Лодя.—Мы отлучились только до обѣда... Такъ что мнѣ пора домой!

Папа (хочетъ).—Бѣдный, такъ ты все время простоялъ въ углу вмѣсто

гостей!.. Я сейчасъ разкажу все по телефону твоей мамѣ и она, я увѣренъ, позволитъ вамъ остаться у насъ до вечера. Ты добрый мальчикъ. (Принохаживается). Только что это отъ тебя такъ шоколадомъ пахнетъ (Уходитъ).

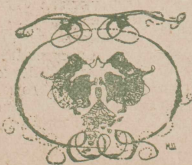
Лодя (вскрикиваетъ, опускаетъ руку въ карманъ и вынимаетъ ее всю коричневой). Шоколадъ растаялъ и потекъ по рукамъ!.. Боже мой, какое несчастіе! (Чуть не плачетъ). Яичко растаяло!.. растаяло!.. А я-то хотѣлъ его хранить всю жизнь!.. (Вбѣгаютъ Таня съ Надей и бросаются къ нему на шею съ поцѣлуями).

Таня.—Милый, милый Лодя!.. Папа насъ простилъ... (Хлопаетъ въ ладоши). Надя.—А мама позволила остаться до вечера! (Визжитъ отъ радости). Милый, добрый Лодя!..

Лодя (Танѣ глубококомысленно).—Вотъ ты меня зовешь добрымъ... А по настоящему-то добрый знаешь, кто? Твой папа... Онъ тебя за рыбокъ простилъ!.. А я бы ни за что не простилъ...

(Занавѣсъ).

Н. ШЕБУЕВЪ.

ПАРЛАМЕНТЪ ИСКУССТВЪ.

Искусство въ партіи. На почвѣ этой истины въ университетѣ возникъ новый кружокъ «молодыхъ». Цѣль его—устройство литературно-художественныхъ соборій, на которыхъ литераторы и художники съ одной стороны, молодежь и часть общества интересующаяся искусствомъ—съ другой стороны могли бы установить между собой идейное общеніе.

Кружокъ настолько безпартиенъ, что пригласилъ даже нововременца, — В. В. Розанова. Впрочемъ, хорошенкаго поменьше.

Другихъ новогрнцевъ не будетъ. Я еще вернусь къ этому интересному началу.

Теперь замѣчу только, что въ составъ временнаго бюро кружка избраны студенты: И. Брауде, Л. Бланки, А. Гидони, С. Городецкий, Ю. Кричевскій и Дм. Цензоръ.

службѣ у Поникаровскаго въ Правленіи, такъ какъ мнѣ даже неизвѣстно было его мѣсто служеніе и знакомство съ нимъ ограничивалось всего тремя или четырьмя встрѣчами въ клубѣ, гдѣ такъ часто людямъ, кредитоспособность которыхъ не внушаетъ сомнѣній, оказывается любовь, — при другихъ условіяхъ дающая поводъ предполагать известную близость отношеній.

Помѣщеніемъ упомянутыхъ фактическихъ поправокъ совершенно устраняются тѣ, несоответствующіе моему положенію и добруму имени выводы, которые помѣщены въ Вашей замѣткѣ.

Прошу принять увѣреніе съ совершеннымъ почтеніемъ Н. Е. Панафидина.

Ноябрь 22 1906.

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Въ то время, когда первая полоса газеты уже были отлиты, мною получено такое письмо.

Милостивый Государь

Г-нъ Редакторъ.

Послѣ личнаго свиданія съ Вами я пришелъ къ заключенію, что мое достоинство и честь заставляютъ меня просить Васъ помѣстить въ ближайшемъ номерѣ Вашей газеты слѣдующее:

1) Я никогда никакихъ отношеній ни къ дѣламъ, ни къ личному составу Желтнн Общества Юго-Восточныхъ Жел. дор. не имѣлъ и лишь разъ въ качествѣ акціонера былъ избранъ Предсѣдателемъ Общаго Собранія;

2) Что касается письма, помѣщеннаго въ Вашей газетѣ, то оно уже ни коимъ образомъ не можетъ быть поставлено въ связь съ тѣмъ, что произошло по

въ РЕДАКЦІЮ ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ ИЗДАНИЯ:

С. Шпиреръ.—Не по той дорогѣ. Ц. 5 к., книгоиздательство „Прибой“.
Студенчество.—Двухнедельный, профессиональный и научно-литературный журналъ.
А. Рославлевъ.—Красная пѣсня.
Левъ Ждановъ.—На зарѣ свободы.
Гр. Кайзерманъ.—Басни Ксорода.
Ч. Чащинъ.—Какой просторъ Вальсѣ.
Отзывы будутъ помѣщены въ одному изъ слѣдующихъ номеровъ газеты.

КАРТИНЫ

аквар. и маслян. крас. дешево продаются. Принимаю заказы живописи по атласу. Суворовскій просп. дѣл 55/57 кв. 17. Видѣть отъ 10—1 дня.

Въ четырехъ номерахъ Газеты Шебуева помѣщены статьи и стихотворенія Якова Година; Осипа Димова, Г. О. Розенцвейга, А. Рославлева, В. Семеновъ, Евгения Тудера и Н. Шебуева; рисунки и шаржи И. Бродскаго, Б. К. Вальгиса, И. М. Грабовскаго, В. Н. Ремизова и Н. Шебуева, ноты И. Покровскаго.

Содержаніе № 1:

— **Негативы:** — Охота за подростками.—Оркестровые кресы.—Банкъ-клубъ-судъ.—О проворствѣ рукъ. — **Театръ и музыка:** — Въ театрѣ. Не театраль. — Какъ мы съ барономъ интервьюировали Н. Д. Красова и К. В. Бравина. Мы. — **Стихотворенія:** — Царица. Яковъ Годинъ. — Зелени. Н. Шебуевъ. — **Судебный фелетонъ:** — Омуть. Г. О. Розенцвейгъ. — **Живопись:** — Академическія лавры. Н. Георгіевичъ. — Фелетоны: — Сказка обо мнѣ, о моей женѣ и о сынишкѣ Жоржикѣ. Н. Шебуева. — Тюрьмовѣднѣ. Веселый Арстантъ. — Грязное бѣлье. Н. Шебуевъ. — Снимокъ съ картины художника Струникова. Шаржъ: — Гейденъ Легализированный.

Содержаніе № 2:

— **Отъ издателя.** — О мирномъ обновленіи. — **Негативы.** — Шрантели. — Праздничный отдыхъ. — **Живопись.** — Молодое. Н. Георгіевичъ. — **Литература.** — У Федора Сологуба. Маска. — **Музыка.** — О Покровскомъ. В. Семеновъ. — **Театръ, драма.** Ис-театраль. — **Судъ и адвокатура.** Бѣдный Юнафанъ. — **Фелетоны:** — Тюрьмовѣднѣ. Веселый Арстантъ. — Юмористъ. Н. Шебуевъ. — **Стихотворенія:** — Въ полномъ часѣ. Евгений Тудеръ. — **Наборщикамъ.** Н. Шебуевъ. — **Три рисунка:** И. Бродскаго. **Ноты:** — Прелюдія и мазурика. И. Покровскаго. **Шаржи:** — О любви къ отечеству и народной гордости.

Содержаніе № 3:

— **Негативы.** — Годовщина. — Рѣчь съ того свѣта. — Телеволокита. — Святотатство. — **Литературный миръ.** — Оргіасты. Вахкы. — **Театръ.** — Въ городѣ. Не-театраль. — Гуго наемни. Мы — **Тюрьмовѣднѣ.** — Послѣ обѣда. Веселый арстантъ. — **Музыка.** — Концертъ В. Семеновъ. — **Фелетоны:** — Толпа. А. Рославлевъ. — Проглука кадетъ. Графъ Бенгальскій. — Цари и шаржи воздуха. Н. Георгіевичъ. — Маскарадъ Н. Шебуевъ. — Шаржи. — Исень и В. Ф. Комиссаржевская. Н. В. Ремизовъ (Ре-ми). — **Конкурсъ поэтовъ.** — **Портретъ С. П. Марголина.** — **Шаржъ:** — Кадетиссимусъ.

Содержаніе № 4:

— **Негативы.** — Клозетмень. — Небогатовщина. — Шубная неблагонадежность. — Святая шансонетка. — Юговосточные челоуки. — **Тюрьмовѣднѣ.** — Тренировка. Веселый арстантъ. — **Театръ.** — **Литературный миръ.** — Оргіасты. Вахкы. **Судебный миръ.** — Смирновка. Добрый духъ. — Омуть. Г. О. Розенцвейгъ. — **Фелетоны:** — Швѣя. Евгений Тудеръ. — Пожертвуйте что вамъ не нужно. Н. Шебуевъ. — **Шаржъ.** — Плевако Н. В. Ремизовъ (Ре-ми).